

види імпліцитної інформації: модальні рамки, «життєві установки» (О. Д. Шмельов) та ін., що містять культурно-значущу інформацію. «Культурний фон» у ряду зазначених одиниць є одиницею імпліцитної культурно-значущої інформації недиференційованого, комплексного і синкретичного характеру, асоціативної, «фонові» області «мови культури». **Результати** дослідження: для словотвірної моделі префіксально-суфіксального творення прикметників від іменників ментальної, емоційної, етичної або ціннісної семантики (за типом *безумный ← ум*) виявлено наявність «фонового» культурно-значущого уявлення про норму як про позитивний полюс ціннісної шкали; для граматичної безособово-предикативної конструкції типу *Мне холодно / стыдно / нужно* виявлено «фонову» культурно-значущу ідею неконтрольованості суб'єктом фізичного, емоційного або модального стану. **Практичне застосування** результатів дослідження полягає в удосконаленні різних аспектів викладання російської мови як іноземної, а також у збагаченні методології та методики лінгвокультурологічних досліджень.

Ключові слова: «культурний фон», імпліцитна культурно-значуща інформація в мові, лінгвокультурологія, національно-культурна специфіка російської мови.

Timur B. RADBIL,

Grand PhD. in Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Modern Russian Language and General Linguistics of National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Gagarin Av., 23, Nizhni Novgorod, 603950, Russia; tel.: +7(831)4329051; e-mail: timur@radbil.ru ; ID ORCID: 0000-0002-7516-6705

ISSUE OF «CULTURE BACKGROUND» OF SOME MODELS AND CATEGORIES IN RUSSIAN

Summary. The *purpose* of the article is to reveal mechanisms of language representation of «culture background» as element of «culture language» of ethnos. The *subject* of this study is implicit culturally significant information in units, models and categories of national language system. *The objective* of this study is some word-formative models and grammatical constructions in modern Russian. We postulate presence of particular implicit components in meanings of words, word-formative models, grammatical categories and syntactic constructions which represents national-specific norms, ideals and values, sets and stereotypes of native speakers. Such types of nationally conditioned implicit cultural information as cultural presuppositions and cultural inferences, cultural connotations and cultural sets as well as so-called «cultural background» are considered in the work. Among all of them, «cultural background» is the most non-differentiated, complex and syncretic unit of implicit culturally significant information, of associative, «background» sphere of «culture language». The *finding* of research is the following: for prefix-suffix word-formative model of adjectives from nouns with emotional, moral or axiological semantics (*bez-um-n-yi ← um*) presence of «background» notion of norm as positive pole on axiological scale is detected; for grammatical impersonal-predicative construction *Мне холодно / стыдно / нужно* «background» implicit culturally significant idea of non-controlling of any proper physical, psychic or modal states is investigated. The *practical value* of the research is to use the results of it to optimize various aspects of teaching Russian as foreign language, as well as to improve theory and methodology of linguoculturological research.

Key words: «culture background», implicit culturally significant information in language, linguoculturology, national-cultural specificity of Russian.

Статтю отримано 20.02.2016 р.

УДК 811.161.1'373.422'42:241.4/.5

САЙГИН Вадим Викторович,

кандидат филологических наук, проректор по экономическому и инновационному развитию, первый проректор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия; тел.: +7(831)4623005; e-mail: secretar@ahch.unn.ru; ORCID ID: 0000-0003-0542-1106

АНТИНОМИЯ «ГРЕХ»—«ДОБРОДЕТЕЛЬ» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ «ГРЕХ» РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Аннотация. *Цель* статьи — дать комплексное лингвокультурологическое описание языкового воплощения антиномии «грех»—«добродетель» в современном русском языке. *Объект* анализа — концептуальное поле «грех» в русской национальной концептосфере. *Предмет* исследования — концептуальная связка «грех»—«добродетель» и её языковая объективация в русском языке. *Материал исследования* — Национальный корпус русского языка. В *результате* проведённой работы рассмотрены особенности концептуального содержания устойчивой квазиантонимической концептуальной связки «грех» — «добродетель» в

концептосфере русской традиционной культуры и её языковой экспликации в речевой практике носителей современного русского языка. Указанная концептуальная связка анализируется в аспекте десакрализации концептуального поля «грех» на фоне активизации религиозной составляющей его концептуального содержания. В противоположность «греху», с «добродетелью» связаны такие когнитивные признаки, как *высокая нравственность; моральная чистота; нравственный образ жизни, поведение человека, основанное на стремлении его к добру* и пр. **Выводы:** квазиантонимическая концептуальная связка «грех»–«добродетель» выступает в национальной концептосфере как устойчивая когнитивная модель, воспроизводимая в текстах культуры и в речевой практике носителей русского языка. Она является значимой как в религиозном, так и в светском пласте русской национальной культуры. **Практическое применение** результатов исследования связано с возможностью их использования в практике преподавания русского языка как иностранного, а также с совершенствованием методологии и методики полевого анализа концептов русской национальной культуры.

Ключевые слова: концептуальное поле «грех» в русском языке, антонимия «грех»–«добродетель», лингвокультурологический анализ концептов, национально-культурная обусловленность ключевых концептов русской культуры, концептуальная связка.

В наших предыдущих исследованиях, посвящённых комплексному описанию содержательной и структурной организации концептуального поля «грех» в русской культуре и его языковому воплощению в современной русской речи, были проанализированы когнитивные признаки и языковое воплощение концепта «грех» как стержневого компонента одноименного концептуального поля [9], концепта «покаяние / раскаяние» [11] и концепта «добродетель» [13]. На следующем этапе исследования решался вопрос о наличии разного типа смысловых отношений (сближения, пересечения, включения, импликации, каузации и пр.), которые формируют концептуальные связки между базовым концептом «грех» и рядоположенными концептами как основу структуры концептуального поля «грех» в русской национальной культуре. В частности, была проанализирована концептуальная связка «грех»–«покаяние / раскаяние» [12].

Предметом рассмотрения в настоящей статье является ещё одна значимая для русской культуры концептуальная связка оппозитивного «квазиантонимического» типа «грех»–«добродетель», компоненты которой обнаруживают отношения взаимной обусловленности.

Исследование проведено на основе методики концептуального анализа, разработанной на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах филологического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского [8]. Теоретической основой исследования является идея принципиального различения экстралингвистического содержания анализируемой понятийной категории (понятий «грех» и «добродетель») в культуре и смыслового наполнения соответствующего концепта по данным языка [4; 5; 6]. Материалом для анализа особенностей языковой экспликации концептуальной связки «грех»–«добродетель» являются данные Национального корпуса русского языка.

Научное понятие «концептуальной связки» не является общепринятым в теории и практике современных концептологических исследований. Моделирование структуры концептуального поля предполагает выявление значимых связей и отношений между базовым концептом и другими рядоположенными концептами. Понятия «концептуальная связка» [7], или «концептосочетание» [2], или «концептуальное сращение» [1, с. 113] обычно принято использовать для описания структурных связей и отношений между концептами. Эти термины «позволяют смоделировать область смыслового пересечения двух или нескольких (необязательно тематически родственных) концептов» [1, с. 113]. При этом сопоставимые по смыслу концепты не обязательно связаны синонимическими или квазисинонимическими отношениями: возможно также наличие антонимических, гиперо-гипонимических, паритивных, имплицативных отношений, образно-ассоциативных связей. Т. В. Евсюкова и Е. Ю. Бутенко говорят в этом смысле об «онтологически близких концептах»: мы можем «при наложении их смысловых пространств выявить «смысловый остаток», наглядно демонстрирующий культурное своеобразие и различие этих концептов» [1, с. 113]. В данной работе используется термин «концептуальная связка».

В методологическом плане важно также подчеркнуть, что современный этап развития русского национального сознания характеризуется отчётливой **десакрализацией** как концептуального поля «грех» в целом, так и структурирующих его концептов: «грех», «покаяние», «добродетель», «порок» и пр. [3; 10]. Тем не менее, следует отметить и определённую активизацию религиозной составляющей концептуального содержания данного концептуального поля и его строевых элементов, связанную с очевидным возрастанием роли православного мировоззрения и возрождением христианской обрядности в современной России. Противостояние этих тенденций формирует исключительное своеобразие рецепции концептуального поля «грех» в современном русском национальном сознании.

Указанное своеобразие находит своё воплощение и в оппозиции концептов «грех»–«добродетель», образующих уникальную концептуальную связку. Итак, в качестве альтернативы греху в русской национальной концептосфере мыслится «добродетель». Как и понятие «грех», понятие «добродетель» демонстрирует сосуществование в своём концептуальном содержании религиозного и светского смысловых пластов. Однако внерелигиозный пласт явно преобладает,

что показывают данные Национального корпуса русского языка. Добродетели могут иметь, к примеру, нефтяные компании: *Российские частные нефтяные компании прославляют свои добродетели и продвинутый менеджмент, но «горячей нефтью», когда 30 долларов за баррель, не брезгают*. Широко представлены контексты, раскрывающие добродетели предпринимателей, мира капитала: *Но динамические, «волевые» добродетели предпринимательского духа сами по себе ещё не создают капитализма*. Это доказывает, что в современном мире в понимании добродетели наметился явный крен в сторону прагматизма, утилитаризма, потребительства, что размывает первоначально высокое, христианское содержание концепта.

Ещё одной стороной десакрализации концепта *добродетель* является изменение его исконной положительной оценочности в сторону иронического снижения, ёрничества, в духе развившегося в современном обществе представления о нравственном релятивизме. Это такие контексты, как *(фальшивая) мнимая добродетель, сомнительная добродетель*, а также возникновение слова *добродетель* в контекстах, которые в норме присущи его антониму — пороку. Например, примечательно название темы одного форума в Интернете: *Добродетель — это порок*. Таким образом, порок и добродетель в современном мире, оказывается, часто не различаются и даже меняются местами.

Аналогичным образом уравниваются в правах и просто отождествляются грех и добродетель: *То, что отличает арийское представление, это — возвышенный взгляд на активность греха, как на прометеевскую добродетель по существу», — говорит Ницше; Их преемникам, чтобы выбраться из рокового противоречия, оставалось объявить грехи добродетелью*.

Для описания характера концептуальных связей в оппозиции «грех»–«добродетель» необходимо сопоставить смысловой объём данных концептов, который был выявлен в наших предыдущих работах.

На предварительном эмпирическом уровне анализа можно считать, что «добродетель» есть один из желаемых результатов избавления от греха, хотя данная смысловая связь не столь очевидна, как связь, например, концептов «грех» и «покаяние» [12]. Дело в том, что понятие «добродетель», как было нами показано в работе [13], всё же тяготеет в большей мере к области светской нравственности, а не к правилам духовной жизни в соответствии с заповедями Бога. Однако мы всё же можем наметить определённые концептуальные сближения, пересечения, вхождения применительно к указанным концептам «грех» и «добродетель».

Выявленные ранее когнитивные признаки концептов «грех» и «добродетель» обнаруживают в целом семантически соотносимые области концептуального содержания «греха» и «добродетели», что для наглядности продемонстрируем в Таблице 1 (выделены соотносимые семантические зоны двух концептов).

Таблица 1

Сопоставление смыслового объёма концептов «грех» и «добродетель»

«грех»	«добродетель»
1. Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)	1. Положительное нравственное качество человека
2. Нарушение религиозных предписаний, правил	2. Высокая нравственность
3. Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом	3. Моральная чистота
4. Нарушение предписаний, правил нравственности	4. Нравственный образ жизни, поведение человека, основанное на стремлении его к добру
5. Поступок, преступление	5. Добро
6. Ошибка	6. Носитель высоких нравственных качеств
7. Состояние (чувство, ощущение) вины	7. Благодеяние, оказываемое кем-либо, доброе дело
8. Порок, недостаток	
9. Беда, несчастье	
10. Состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий)	
11. Распутство	
12. Человеческая слабость	
13. Недостаток, изъян в состоянии вещи, в работе механизма, устройства	
14. Что-то плохое, неправильное	
15. Обман	
16. Раздражение, досада	
17. Грусть, печаль	
18. Воровство	
19. Умствование	
20. Бедность / богатство	
21. О ком-то некрасивом, физически непривлекательном	

В силу того, что все выявленные когнитивные признаки концепта «добродетель» явным образом не отражают религиозно-православный пласт его концептуального содержания, хотя в имплицитном виде, разумеется, это смысловое соотношение имеется, в данном разделе мы приняли решение не разделять религиозный и внерелигиозный пласты концептуального содержания «грех» при выявлении наличия концептуальной связанности между отдельными когнитивными признаками данного концепта и концепта «добродетель». Речь, понятно, идёт о противопоставлении «грех» («минус-грех», т. е. отсутствие греха) и «добродетели».

В целом для концептуального содержания «греха» и «добродетели» (далее обозначены ли-терами «– Г» и «Д») концептуальную связанность по линии противопоставленности (отмечено знаком ↔) обнаруживают следующие когнитивные признаки:

– (– Г) Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом + (– Г) Состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий) + (– Г) Состояние (чувство, ощущение) вины ↔ (Д) Высокая нравственность + (Д) Носитель высоких нравственных качеств + (Д) Моральная чистота;

– (– Г) Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию) + (Д) Положительное нравственное качество человека;

– (– Г) Нарушение религиозных предписаний, правил + (– Г) Нарушение предписаний, правил нравственности ↔ (Д) Нравственный образ жизни, поведение человека, основанное на стремлении его к добру;

– (– Г) Порок, недостаток + (– Г) Проступок, преступление + (– Г) Ошибка ↔ (Д) Добро + (Д) Благодеяние, оказываемое кем-либо, доброе дело.

Таким образом, мы можем выделить четыре линии, четыре плана концептуальной противопоставленности «греха» и «добродетели»:

1) добродетель как какое-либо отдельное положительное нравственное качество человека связано с отсутствием греха как человеческого поступка, противного Закону Божию, или любого нарушения действием, словом или мыслью воли Бога;

2) добродетель как наличие у человека в целом высокого уровня нравственности соотносится с отсутствием состояния (чувства, ощущения) вины перед Богом или греховности в религиозном смысле и отсутствием вины в широком нравственном смысле;

3) добродетель как образ жизни по правилам нравственности, естественно, связана с отсутствием нарушений как религиозных правил и предписаний, так и правил бытовой нравственности;

4) добродетель в буквальном смысле как «делание» добрых дел связана с отсутствием «дел недобрых», т. е. безнравственных поступков и действий, проступков и преступлений, ошибочных действий и пр.

Нетрудно заметить, что соотнесение положительного содержания через «отсутствие» негативного содержания не может реализовать сильной и необходимой связанности понятий. Непрямую концептуальную связь между «грехом» и «добродетелью», минуя такой важный компонент, как «покаяние» [11; 12], является ослабленной, факультативной.

Однако в национальной концептосфере всё же существуют востребованные устойчивые модели употребления и воспроизводимости данной концептуальной связки «грех»–«добродетель», о чём свидетельствуют следующие языковые данные Национального корпуса русского языка — представлены разные типы отношений:

А) конъюнкция:

Разнести, развести по разные стороны грехи и добродетели, предательство и верность, трусость и отвагу, бездарность и Господне дарование, границей положить национальное различие или вот классовое, как кладут большевики [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)];

«Облако Возмездия» — это не о грехе и добродетели [Александр Пятигорский. Вспомнишь странного человека (1997)];

Подобно природным стихиям, не знающим греха и добродетели, Шива-Шакти представляются богами внеэтическими [Борис Малышев. Индуизм (2001)];

Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; Иерархия (первых четырех) потребностей по А. Маслоу Система греха и добродетели [Н. Л. Захаров. Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ) (2002)];

Соответственно, этический строй предполагает оценку целей и норм культуры, классифицируя их как «грехи» и «добродетели» [Н. Л. Захаров. Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ) (2002)];

Б) дизъюнкция:

«Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе», — прочитала Аля на последней странице — уже после того как Алёхин простился с Анной Алексеевной и со жгучей болью в сердце понял,

как ненужно, мелко и как обманчиво было все, что мешало им любить... [Анна Берсенева. Полёт над разлукой (2003–2005)];

В) антитеза:

Этот аргумент популярен среди нелицемерных лгунов, не считающих ложь грехом (который имеет антитезу «добродетель») [Химера по имени Правда (2002) // «Другой», 2002.11.15];

Говорит, не только не грех, а добродетель [Анатолий Найман. Жизнь и смерть поэта Шварца // «Октябрь», 2001];

Будто кто не знает, где грех, а где добродетель... [Владимир Крупин. Как только, так сразу (1992)];

Жало, интимное общение с сатаной, сладкие слова и соблазненные за оградой рая — всё это более похоже на грех, чем на добродетель [И. Г. Эренбург. Портреты современных поэтов (1922)];

Г) импликация:

«Все концы со всеми концами сходятся», — и пресловутое карамазовское «всё позволено», т. е. нет греха, не надо добродетели «могу всё, что хочу» — есть только естественное и притом реальное заключение диалектики, есть вовсе не вывод Ивана Карамазова о мире и жизни, а вывод самого скорбного Фёд. Мих-ча о мире и жизни, но лишь угрюмо сказанный, а не счастливо сказанный [В. В. Розанов. На лекции о Достоевском (1909)].

Проведённое исследование подтверждает, что избранный нами подход к последовательному «попарному» анализу элементарных концептуальных связок («грех»–«покаяние», «грех»–«добродетель», «грех»–«искупление» и под.) обеспечивает возможность наиболее полного и адекватного моделирования концептуального поля «грех» в пространстве русской культуры и его языкового воплощения в русском языке.

Л и т е р а т у р а

1. Евсюкова Т. В. Лингвокультурология : учебник / Т. В. Евсюкова, Е. Ю. Бутенко. — М. : Флинта; Наука, 2014. — 478 с.
2. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. — Саратов : СГУ, 2005. — 165 с.
3. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка : Языки этики / отв. ред. : Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 167–177.
4. Радбиль Т. Б. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. — 2006. — № 12 (2). — С. 56–79.
5. Радбиль Т. Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса / Т. Б. Радбиль // Филологические науки. — 2006. — № 6. — С. 50–59.
6. Радбиль Т. Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. — 2007. — № 1 (13). — С. 239–265.
7. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие. — 3-е изд. / Т. Б. Радбиль. — М. : Флинта; Наука, 2013. — 328 с.
8. Ручина Л. И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки / Л. И. Ручина, Т. М. Горшкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6–2. — С. 130–135.
9. Сайгин В. В. Смысловое наполнение и семантическая структура концепта «грех» в современном русском языке (по данным толковых и этимологических словарей) / В. В. Сайгин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 3. Ч. 1. — С. 421–426.
10. Сайгин В. В. Десакрализация концепта «грех» в национальном сознании (по данным современного русского языка) / В. В. Сайгин // Мова : наук.-теор. часопис з мовознавства / ОНУ імені І. І. Мечникова. — Одеса : Астропринт, 2014. — № 21. — С. 89–93.
11. Сайгин В. В. Когнитивные признаки концепта «покаяние» и его языковая объективация в современном русском языке / В. В. Сайгин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 4. — С. 248–253.
12. Сайгин В. В. ГРЕХ vs. ПОКАЯНИЕ в концептосфере русской культуры : лингво-когнитивный аспект / В. В. Сайгин // Научный диалог. — Екатеринбург, 2016. — № 1 (49). — С. 82–93.
13. Сайгин В. В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке / В. В. Сайгин, Т. Б. Радбиль // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2 (26). — С. 5968–5971.

References

1. Evsiukova, T. V. (2014), Butenko, E. Ju. *The Linguoculturology : The Textbook* [Lingvokul'turologija : uchebnik], Flinta & Nauka, Moscow, 478 p.
2. Kriuchkova, N. V. (2005), *Linguocultural Variation of Concepts* [Lingvokul'turnoe var'irovanie konceptov], SGU, Saratov, 165 p.

3. Panova, L. G. (2000), Sin as Religious concept (On the example of the Russian Word «grekh» and the Italian one «peccato»), *Logical Analysis of Language: Languages of Ethics*, Ed. N. D. Arutjunova, T. E. Janko, N. K. Rjabceva [«Grekh kak religioznyj koncept (na primere russkogo slova «greh» i ital'janskogo «peccato»)», *Logicheskij analiz jazyka: Jazyki etiki*. Red. N. D. Arutjunova, T. E. Janko, N. K. Rjabceva], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, pp. 167–177.
4. Radbil', T. B. (2006), «Pragmatic Anomalies in Medium of the Language Anomalies of Russian Speech», *Russian in Scientific Interpretation* [«Pragmaticheskie anomalii v srede jazykovyh anomalij russkoj rechi», *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*], Moscow, No. 12 (2), pp. 56–79.
5. Radbil', T. B. (2006), «A Language Anomaly as a Norm of Fiction Discourse», *Philological Sciences* [«Jazykovaja anomalija kak norma hudozhestvennogo diskursa», *Filologicheskie nauki*], Moscow, No. 6, pp. 50–59.
6. Radbil' T. B. (2007), «Anomalies in Sphere of Language Conceptualization oh the World», *Russian in Scientific Interpretation* [«Anomalii v sferе jazykovoј konceptualizacii mira», *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*], Moscow, No. 1 (13), pp. 239–265.
7. Radbil' T. B. (2013), *The Foundations of Study in Language Mentality: The Textbook. 3rd ed.* [Osnovy izuchenija jazykovogo mentaliteta : ucheb. posobie. 3-e izd.], Flinta & Nauka, Moscow, 328 p.
8. Ruchina, L. I., Gorshkova, T. M. (2011), «The Combined Dictionary as the Way of Lexicographic Description of Folktales Conceptual Sphere», *Bulletin of N. I. Lobachevski State University of Nizhni Novgorod* [«Slovar' kombinirovannogo tipa kak sposob leksikograficheskogo opisanija konceptosfery russkoj narodnoj skazki», *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*], No. 6–2, pp. 130–135.
9. Sajgin, V. V. (2013), «Sense Filling and Semantic Structure of the Concept «Grekh» in the Modern Russian (On the Data of Russian vocabularies and Etymologic Dictionaries», *Bulletin of N. I. Lobachevski State University of Nizhni Novgorod* [«Smyslovoe napolnenie i semanticheskaja struktura koncepta «grekh» v sovremennom russkom jazyke (po dannym tolkovykh i etimologicheskikh slovarej)», *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*], No. 3–1, pp. 421–426.
10. Sajgin, V. V. (2014), «Desacralization of the Concept «Grekh» in National Consciousness», *Language : Scientific-Theoretical Journal of Linguistics* [«Desakralizacija koncepta «greh» v nacional'nom soznanii (po dannym sovremennogo russkogo jazyka)», *Mova : Naukovo-teoretychnyj chasopys z movoznavstva*], Astropoint, Odessa, No. 21, pp. 89–93.
11. Sajgin, V. V. (2015), «Cognitive Characteristics of the Concept «Pokajaniye» and Its Language Explication in the Modern Russian», *Bulletin of N. I. Lobachevski State University of Nizhni Novgorod* [«Kognitivnye priznaki koncepta «pokajanie» i ego jazykovaja objektivacija v sovremennom russkom jazyke», *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*], No. 4, pp. 248–253.
12. Sajgin, V. V. (2016), «GREKH vs. POKAJANIJE in Conceptual Sphere of the Russian Culture», *Scientific dialogue* [«ГРЕХ vs. ПОКАЯНИЕ в концептосфере русской культуры : лингво-когнитивный аспект», *Nauchnyj dialog*], Ekaterinburg, No. 1 (49), pp. 82–93.
13. Sajgin, V. V., Radbil', T. B. (2015), «Cognitive Characteristics and Language Explication of the Concept «Dobrodetel» in the Modern Russian», *Fundamental Studies* [«Kognitivnye priznaki i jazykovaja objektivacija koncepta «dobrodetel'» v sovremennom russkom jazyke», *Fundamental'nye issledovanija*], Moscow, No. 2 (26), pp. 5968–5971.

САЙГІН Вадим Вікторович,

кандидат філологічних наук, проректор з економічного та інноваційного розвитку, перший проректор Національного дослідницького Нижегородського державного університету імені М. І. Лобачевського; пр. Гагаріна, 23, м. Нижній Новгород, 603950, Росія; тел.: +7 (831) 4623005; e-mail: secretar@ahch.unn.ru; ORCID ID: 0000-0003-0542-1106

АНТИНОМІЇ «ГРІХ» — «ЧЕСНОТА» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМУ ПОЛІ «ГРІХ» РОСІЙСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ КОНЦЕПТОСФЕРИ

Анотація. *Мета* статті — дати комплексний лінгвокультурологічний опис мовного втілення антиномії «гріх»-«чеснота» в сучасній російській мові. *Об'єкт* аналізу — концептуальне поле «гріх» у російській національній концептосфері. *Предмет* дослідження — концептуальна зв'язка «гріх»-«чеснота» та її мовна об'єктивация в російській мові. *Матеріал* дослідження — Національний корпус російської мови. *У результаті* проведеної роботи розглянуто особливості концептуального змісту сталої квазіантонімічної концептуальної зв'язки «гріх»-«чеснота» в концептосфері російської традиційної культури та її мовної експлікації в мовленнєвій практиці носіїв сучасної російської мови. Зазначена концептуальна зв'язка аналізується в аспекті десакралізації концептуального поля «гріх» на тлі активізації релігійної складової його концептуального змісту. На противагу «гріха», з «чеснотою» пов'язані такі когнітивні ознаки, як висока моральність; моральна чистота; моральний спосіб життя, поведінка людини, заснована на її прагненні до добра та ін. **Висновки:** квазіантонімічна концептуальна зв'язка «гріх»-«чеснота» виступає в національній концептосфері як стійка когнітивна модель, відтворена в текстах культури і в мовленнєвій практиці носіїв російської мови. Вона є значущою як у релігійному, так і в світському шарі російської національної культури. **Практичне застосування** результатів дослідження пов'язане з можливістю їх використання у практиці викладання російської мови як іноземної, а також з удосконаленням методології та методики польового аналізу концептів російської національної культури.

Ключові слова: концептуальне поле «гріх» у російській мові, антиномія «гріх»-«чеснота», лінгвокультурологічний аналіз концептів, національно-культурна зумовленість ключових концептів російської культури, концептуальна зв'язка.

Vadim V. SAYGIN,

Ph.D. in Philological Sciences, Vice-Rector for Economic and Innovative Development,
 First Vice-Rector of National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; 23 Gagarin
 Av., Nizhni Novgorod, 603950, Russia; tel.: +7(831) 4623005; e-mail: secretar@ahch.unn.ru ;
 ORCID ID: 0000-0003-0542-1106

ANTINOMY «GREKH» («SIN») — «DOBRODETEL» («VIRTUE») IN THE CONCEPTUAL FIELD «GREKH» OF RUSSIAN NATIONAL CONCEPTUAL SPHERE

Summary. The *purpose* of the article is to present complex linguoculturological description of language embodiment of antinomy «grekh» («sin») — «dobrodetel» («virtue») in modern Russian. The *subject* of this study is the conceptual field «grekh» in Russian national conceptual sphere. *The objective* of this study is the conceptual bond «grekh» («sin») — «dobrodetel» («virtue») and its language objectification in Russian. *The material* of this study is Russian National Corpus. In the article specificity of semantic connections and correlations in the elementary stable quasi-antonymic conceptual bond «grekh — dobrodetel» is examined as important component of the total conceptual field «grekh». This conceptual bond is analyzed in the aspect of **desacralization** which is interpreted as stylistic decrease of words expressed primordially high spiritual, religious and moral values: these phenomena reflect one general trend to decrease of value level of «high terms» while their transition from religious communicative medium into secular one. The concept «dobrodetel», as opposed to the concept «grekh», is connected with such cognitive characteristics as high morality, moral purity, moral mode of life, behavior based on yearning for good etc. The *finding* of research is the following: the quasi-antonymic conceptual bond «grekh — dobrodetel» is included in Russian national conceptual sphere as stable cognitive model regularly reproduced in texts of Russian culture and in speech practice of Russian native speakers, it being known that it is significant both in religious and in non-religious, secular strata of Russian national culture. The *practical value* of the research is conditioned by possibility to use its results for teaching Russian as foreign language as well as by improvement and development of methodology and technology of field analysis of Russian national culture concepts.

Key words: conceptual field «grekh» in Russian, antinomy «grekh» («sin») — «dobrodetel» («virtue»), linguoculturological analysis of concepts, national-cultural conditionality of Russian culture key concepts.

Статтю отримано 20.03.2016 р.

УДК 811.161.1'23'27-115:159.923.2:821.161.1 Чехов

СТЕПАНОВА Светлана Евгеньевна,

студентка 3 курса филологического факультета Одесского национального университета имени
 И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 098 2063230;
 e-mail: fudimkaa@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2855-3657

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПЕРСОНАЖА РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ДУШЕЧКА»

Аннотация. *Цель* исследования — выявить в художественном произведении (рассказе А. П. Чехова «Душечка») факты и определить способы влияния на эволюцию ЯКМ языковой личности профессиональной речи её родственников и близких. *Объектом* данного исследования являются особенности речи Ольги Семёновны Племянниковой — центрального персонажа указанного рассказа, — обусловленные профессиональным занятием близких ей людей. *Предмет* изучения — формы отражения и механизмы эволюции картины мира центрального персонажа. В процессе исследования применяются приёмы и средства описательного *метода*: наблюдение, лингвистический анализ, обобщение; *метод* структурного анализа лексических и фразеологических единиц; *метод* исследования плана содержания значимых единиц языка. В *результате* проведённой работы в тексте выявлены элементы театрального, деревообрабатывающего, ветеринарного, гимназического дискурсов, которые формируют разные по времени функционирования эхо-картины мира центрального персонажа рассказа под влиянием картин мира близких ей людей, и сделана попытка установить пути эволюции ЯКМ этого персонажа. Автор пришёл к **выводам** о том, что индивидуальная языковая картина мира человека находится в состоянии постоянной эволюции. Профессионально-корпоративная сфера коммуникации является наиболее заметной сферой воздействия на ЯКМ личности. Эволюция и обогащение ЯКМ личности происходит благодаря механизму эхо-картины мира, обозначающей сегмент картины мира, который является для коммуникатора на определённом этапе развития его ЯКМ неосновным либо новым, но расширяется или осваивается заново благодаря общению с коммуникаторами, для которых этот сегмент основной.

Ключевые слова: языковая картина мира, эхо-картина мира, эволюция ЯКМ, языковая личность, профессионально-корпоративная коммуникация.